КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Сентября № 17. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ (*).

Жено, что плачеши, кого ищеши; взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его.
Маріе!
Раввуни? Іоан. 20, 13. 15. 16.

Вы знаете, братіе, откуда взяты слова эти: такъ описывается въ евангеліи первое явленіе воскресшаго Господа одной изъ мироносицъ, извѣстной особенною любовію и усердіемъ къ Нему, именно—Маріи Магдалинѣ, которой празднуетъ нынѣ св. Церковь, соединяя съ этимъ празд-

(*) Сказано, 22 іюля 1863 г., протоіереемъ Н. Ѳаворовымъ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

нествомъ торжество въ честь благочестивѣйшей Государыни Императрицы нашей, тезоименитой равноапостольной послѣдовательницѣ Христовой.

Не много словъ, но подъ ними заключается цѣлая исторія внутренней жизни преданнаго Господу сердца въ минуты самыхъ тяжкихъ для него лишеній и недоумѣній,— исторія, полная глубокаго назиданія для всякой вѣрующей души, когда она встрѣчается съ подобными же испытаніями. Надѣемся, что вы не откажетесь войти вмѣстѣ съ нами въ ближайшее разсмотрѣніе этого предмета.

Крестныя страданія и смерть Іисуса Христа такъ поразили ближайшихъ послѣдователей Его, что они находились тогда въ состояніи неизъяснимаго смущенія и скорби. Господь ясно предсказывалъ имъ обо всемъ, что должно было случиться съ Нимъ въ концѣ земнаго служенія Его, по опредѣленію вѣчной премудрости, правды и благости Божіей; но они не могли и представить себѣ, чтобы небесный Учитель ихъ, обладавшій всѣми совершенствами обѣтованнаго Христа Спасителя, учившій— какъ никогда никто не училъ, творившій дѣла, которыхъ отъ вѣка не видали, разрушавшій безъ всякаго труда самые хитрые навѣты враговъ своихъ, привлекавшій къ себѣ сердца всѣхъ, не чуждавшихся упорно истины и правды, подвергся наконецъ участи, самой жалкой и для обыкновеннаго смертнаго, уступилъ насилію злобныхъ враговъ своихъ, потерпѣлъ отъ нихъ страшныя муки и вмѣсто того, чтобы явиться торжествующимъ въ главѣ избранныхъ Божіихъ, явился на крестѣ и въ страшныхъ страданіяхъ испустилъ духъ свой. Когда же все это совершилось предъ ихъ глазами, они не знали, что дѣлать, что думать и чего ожидать. Одна любовь къ Іисусу Христу, которая не только не охладѣвала въ нихъ среди такихъ обстоятельствъ, но и сильнѣе разгаралась, спасала ихъ отъ отчаянія. Въ то время какъ умъ ихъ терялся въ недоумѣніяхъ и не могъ, такъ сказать, пробиться сквозь густую тьму безотрадной неизвѣстности, сердце ихъ было съ Распятымъ, умершимъ и погребеннымъ, и хранило въ себѣ залогъ утѣшенія, недоступнаго никакимъ земнымъ

соображеніямъ и разсчетамъ. Съ особенною ясностію это видно изъ примѣра св. мvроносицъ, между которыми, на первомъ мѣстѣ является вездѣ Марія Магдалина.

Вѣрныя послѣдовательницы Господа Іисуса, во дни Его свободнаго обращенія между народомъ, жены мvроносицы не оставили Его и въ страшную пору Его страданій и смерти. Велико было тогда искушеніе для ихъ святой преданности Господу Спасителю. Какихъ жестокостей надъ Божественнымъ Страдальцемъ не насмотрѣлись онѣ, какихъ глумленій надъ Нимъ не наслушались!—*Уа, разоряяй Церковь и треми деньми созидаяй ю, спасися нынѣ самъ и сниди со креста... Упова на Бога, да избавитъ Его нынѣ, аще хощетъ Ему: рече бо, Божій есмь сынъ...* По видимому враги Его торжествовали вполнѣ, свидѣтельствуясь самымъ успѣхомъ дѣла своего, что они погубили человѣка, который хотѣлъ только выдать себя за Христа, но былъ простымъ смертнымъ. Однакожъ жены не отвратились сердцемъ отъ Распятаго. Онѣ, конечно, не умѣли еще объяснить себѣ страннаго и страшнаго событія; но когда все, казалось, возставало противъ Осужденнаго, сердце ихъ было за Него. Не пытаясь разгадать мнимыхъ противурѣчій, или, лучше, совсѣмъ и не думая объ этомъ, онѣ искали послужить, чѣмъ могли, Умершему, такъ же какъ служили Ему при Его жизни. Враги торопились окончить дѣло свое, потому что наступалъ великій праздникъ. Увѣрившись въ Его смерти, они сняли Его со креста, и нѣкоторые изъ благочестивыхъ мужей безъ труда получили дозволеніе совершить надъ Нимъ погребеніе. Іосифъ и Никодимъ, обвивши тѣло Его плащаницею, положили Его въ готовомъ, близко находившемся, гробѣ, къ которому стража привалила камень и приложила печать. Жены не могли принять участія въ погребеніи; но онѣ позаботились приготовить ароматы, чтобы послѣ помазать тѣло Господа. И когда минула суббота,—рано утромъ, *еще сущей тьмѣ*, поспѣшили ко гробу. Ихъ такъ сильно занимало дѣло ихъ святаго усердія, что онѣ, и не подумали о препятствіяхъ къ исполненію его и только, подходя уже къ гробу, вспомнили, что къ

нему приваленъ камень. *Кто намъ отвалитъ камень отъ дверей гроба?* спрашивали онѣ одна другую въ недоумѣніи; однакожъ продолжали идти спѣшно ко гробу. Но—камень былъ отваленъ. Другое недоумѣніе представилось имъ: во гробѣ не оказалось тѣла Умершаго. Что должны были почувствовать тогда жены мѵроносицы?

Намъ неумѣстно здѣсь входить въ подробности событія; обращаемся къ тому, съ чего начали бесѣду нашу. Марія стояла у гроба и плакала. Потомъ, приникши въ гробъ, увидѣла ангеловъ, которые и спросили ее, о чемъ она плачетъ. Вся занятая одною мыслію и однимъ чувствомъ, Марія не удивилась даже чрезвычайному явленію лицъ во гробѣ, какъ будто ничего особеннаго въ этомъ не было, и только отвѣчала на вопросъ, близкій ея сердцу: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша его.*— О, какою святою скорбію и любовію звучитъ жалоба сія! Взяша *Господа* моего!—Осужденный, опозоренный, умученный и умерщвленный на крестѣ, какъ тягчайшій преступникъ, Онъ для нея тѣмъ не менѣе—Господь; Онъ Господь *ея,* Господь сердца ея, тотъ, кому она посвятила всю душу свою. Гдѣ же Онъ хотя и умершій? Кто взялъ тѣло Его? Ничто другое не занимало Маріи, ищущей Господа своего, хотя предъ нею были небесные вѣстники. Она обратилась назадъ, какъ бы продолжая искать взорами предмета святой любви и скорби своей. Между тѣмъ Господь, котораго она искала съ *мертвыми*, стоялъ за нею живый. *Жено, что плачеши; кого ищеши;* спросилъ ее самъ Воскресшій. Но она отъ скорби не узнала и Его и думая, что это вертоградарь, снова спрашивала объ умершемъ: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь мнѣ, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его.—Маріе!* произнесъ тогда Господь, и этимъ наименованіемъ какъ бы пробудилъ ее отъ тяжкаго сна. *Раввуни*, то есть: Учитель мой, воскликнула Марія, и больше ничего не могла сказать Ему отъ радости. Такъ разрѣшилась скорбь глубоко и благоговѣйно любящаго сердца въ неизъяснимую радость. Крѣпкая и святая любовь получила несравненно больше того, чѣмъ чего сама искала.

Не случается ли и намъ, братіе, находиться въ положеніи Маріи, плачущей у празднаго гроба Христова? Можетъ быть, подобные случаи не такъ необыкновенны, какъ это, по всей вѣроятности, покажется многимъ съ перваго взгляда. Наша вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа очень нерѣдко подвергается тяжкимъ испытаніямъ, и мы убѣждены, что почти всякая христіанская душа знакома съ тою глубокою, сердечною скорбію, отъ которой излилась жалоба мνроносицы. Возьмемъ напримѣръ такое явленіе: пока жизнь наша течетъ довольно ровно и спокойно, безъ особенныхъ скорбей и лишеній, мы обращаемся къ Господу, какъ соприсутствующему съ нами, живому и животворящему, мы молимся Ему, благодаримъ Его, славословимъ Его, слагаемъ предъ Нимъ свои обѣты, желанія и самыя недоумѣнія и печали, такъ какъ бы имѣли Его предъ собою. Но вотъ—благополучіе наше внезапно рушилось; въ судьбѣ нашей произошелъ горькій для насъ переворотъ; жизнь наша, такъ сказать, разбита и не свѣтитъ даже надежды на возрожденіе прежняго благополучія нашего. Тогда вѣра наша, можно сказать, возносится на крестъ. Какъ враги, ее обходятъ ропщущіе помыслы наши и требуютъ отъ нея знаменій, или подвергаютъ сомнѣнію ея силу и значеніе. Только сердце наше, если оно успѣло прилѣпиться къ Господу, не хочетъ отступить отъ Него. Въ скорби, острымъ оружіемъ проходящей всю душу, страждущій христіанинъ становится на молитву; но, Боже мой, и здѣсь онъ не обрѣтаетъ успокоенія: какъ будто самое сердце, въ которомъ сокрыта была вѣра, оказывается празднымъ. Гдѣ же Господь? Гдѣ твое упованіе на Него?—*Взяша Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша его,* вопіетъ уязвленное скорбію сердце. Такія минуты невыразимо тяжки. Среди различныхъ до безконечности превратностей въ жизни нашей, одно только возможно постоянное, неизмѣняемое, всегда подкрѣпляющее и оживляющее насъ, это—вѣра въ Господа—Творца, Промыслителя и Спасителя нашего, и если вѣра оскудѣваетъ и какъ бы уносится отъ насъ, то гдѣ и въ чемъ больше искать оживленія! Какъ же болѣзненъ вопль сердца, не

обрѣтающаго Господа; какое страданіе испытываетъ душа, когда изливается изъ нея жалоба, подобная жалобѣ мироносицы: *взяша Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша Его!*

Но, страждущіе собратіе, да не изнемогаемъ въ скорбяхъ нашихъ, храня больше всякаго сокровища любовь къ Господу Богу, которая Его же благодатію посѣяна въ сердцахъ нашихъ. Господь всегда близъ, и какъ созади Маріи, плакавшей передъ празднымъ гробомъ Христа, стоялъ самъ воставшій отъ гроба Христосъ, такъ и всегда за скорбящимъ, но любящимъ и не отчаевающимся, христіаниномъ невидимо стоитъ Онъ же—Господь и Спаситель нашъ, и кто не перестаетъ искать Его, не перестаетъ простирать къ Нему своихъ желаній и молитвъ, тотъ обрѣтетъ Его, услышитъ внутреннимъ слухомъ сердца гласъ Его и узнаетъ въ Немъ небеснаго Утѣшителя своего, получитъ отъ Него больше, чѣмъ чего искалъ и просилъ у Него.

Укажу на другой случай еще болѣе тяжкаго испытанія для вѣры нашей. Бываютъ времена, когда духъ, враждебный вѣрѣ Христовой, разливается, какъ заразительная болѣзнь, по цѣлымъ обществамъ. Къ прискорбію, мы знаемъ это не по какому нибудь преданію, а по собственному опыту; потому что и въ наше время силенъ разливъ невѣрія. И трудно противостоять этому разрушительному духу. Когда одни явно и смѣло отвергаютъ истину Евангелія Христова, другіе хотя не свидѣтельствуютъ на Христа, не осуждаютъ Его предъ глазами міра, не вопіютъ противъ Его Божественнаго достоинства, силы и славы, но—сочувствуютъ врагамъ Его и жизнію своею показываютъ, что они не за Христа, а противъ Христа; когда иные, наконецъ, равнодушны ко всему, что относится къ вѣрѣ Христовой, и безразлично смотрятъ на вѣру и невѣріе, какъ бы на явленія не существенныя, не составляющія ничего особенно важнаго для человѣка: то много нужно духовной бодрости, мужества, осмотрительности, чтобы не потерпѣть чего нибудь отъ такого направленія. И кто знаетъ, сколько, можетъ быть, лицъ между нами, которыя

по временамъ болѣзненно восклицаютъ, покрайней мѣрѣ, въ сердцѣ своемъ: *взяша Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша Его!* Иной воспитанъ въ благочестіи Христовомъ, съ раннихъ лѣтъ пріученъ обращаться къ Богу въ радости и печали, находить лучшее и чистѣйшее удовольствіе въ дѣлахъ христіанскаго богопочтенія; но вотъ на него повѣяло духомъ сомнѣнія, разрушающимъ его святыя убѣжденія, у него не достаетъ нравственной силы, чтобъ отразить напоръ то явнаго и наглаго, то скрытаго подъ благовидною разумностію невѣрія, и онъ теряетъ одно за другимъ драгоцѣнныя сокровища благочестія. Все, что такъ благотворно дѣйствовало на него прежде, перестаетъ мало по малу занимать его и доставлять ему духовное ободреніе и утѣшеніе. Самое высокое и благотворное дѣйствіе христіанское—молитва къ Богу, это дыханіе духа нашего, подлинная жизнь нашего сердца, начинаетъ казаться ему однимъ обрядомъ, а не живымъ собесѣдованіемъ со всевѣдущимъ, вездѣсущимъ и всепромышляющимъ Богомъ. И остается ли что въ замѣнъ такой утраты? Ничего. Вотъ несчастіе, котораго многіе не примѣчаютъ, но предъ которымъ всѣ другія несчастія и скорби въ существѣ ничтожны! О, когда бы подумали провозвѣстники отрицанія, такъ легко налагающіе руку на всякую святыню души вѣрующей, иногда какъ будто забавляющіеся попраніемъ самыхъ дорогихъ для духа человѣческаго предметовъ, какое зло вносятъ они въ общество, сколько жизней могутъ отравить своимъ ядомъ! Если они сами въ себѣ еще не чувствуютъ этого яда, то не потому ли главнымъ образомъ, что они заняты пока понравившимся имъ дѣломъ и не успѣли еще оглянуться на себя и сознать собственнаго своего положенія? Какъ бы то ни было, но—повторяемъ—несчастіе утратить простую, искреннюю вѣру въ Бога Творца и Спасителя есть верхъ несчастія и скорби для всякой души, не растлѣнной еще пороками крайняго невѣрія.—Бѣдная душа! У тебя взяли Господа твоего, и ты не знаешь, гдѣ Его скрыли, гдѣ найти похищенное у тебя сокровище, какъ возвратить свою вѣру!

Но если ты еще любишь то, что у тебя какъ будто отнято,—не унывай. Вѣрь сердцу твоему, которое, не смотря на недоумѣнія даже собственнаго твоего разума, не напрасно стремится къ источнику всякой жизни и утѣшенія. Люби и молись, и Господь самъ явится тебѣ, и ты увидишь Его, не въ мертвыхъ только понятіяхъ ученія, но въ живомъ соприсутствіи твоему духу, услышишь въ сердцѣ твоемъ благодатное призваніе Его, и тогда, хотя бы ангелъ съ небеси сталъ увѣрять тебя въ противномъ чистой вѣрѣ, не смутишься и скажешь ему апостольское запрещеніе. *Любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. Печаль имате нынѣ... паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ.*

Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтеся: вся вамъ любовію да бываютъ,—примемъ къ сердцу это увѣщаніе апостольское, и всегда благовременное для насъ, но, можетъ быть, теперь больше,—чѣмъ когда нибудь.

Благо намъ, что въ главѣ отечества нашего, издревле крѣпкаго и сильнаго православною вѣрою, стоятъ боговѣнчанные покровители вѣры, призывающіе насъ словомъ и примѣромъ къ сохраненію и охраненію истиннаго благочестія христіанскаго. Кто не помнитъ словъ августѣйшаго Монарха нашего, призывавшаго всѣхъ насъ, при самомъ восшествіи своемъ на престолъ, къ единодушному содѣйствію благу церкви православной? И теперь, среди многоразличныхъ заботъ о благосостояніи и счастіи своего народа, не составляетъ ли особеннаго предмета Его вниманія и попеченія распространеніе въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія? Кто не слышалъ о глубокомъ благочестіи и высоко-просвѣщенной ревности по чистой и святой вѣрѣ августѣйшей Государыни Императрицы нашей, какъ самой вѣрной и неусыпной помощницы державному Супругу своему въ благословенныхъ трудахъ Его царственнаго служенія! Благодаря всѣмъ сердцемъ Царя небеснаго за такую милость Его къ намъ, позаботимся быть возможно-достойными ея и сами поревнуемъ первѣе всего и больше всего о преспѣяніи и утвер-

жденіи въ насъ духа истинно-христіанскаго: *да держимъ исповѣданіе упованія неуклонно и да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* Сохрани Богъ каждаго отъ такого великаго грѣха и вмѣстѣ несчастія, чтобы *полагать камень претыканія и соблазна брату своему:* единовѣрные и единоземные должны служить другъ другу съ чистымъ и христіанскимъ братолюбіемъ, содѣйствуя чѣмъ и сколько возможно общему благу церкви и отечества. О царѣ же и отечествѣ своемъ да будетъ всегдашняя, искренняя молитва наша:

Господи, спаси Царя и услыши ны!

Господи, спаси люди твоя и благослови достояніе твое!

ИВАНЪ МИХАИЛОВИЧЬ СКВОРЦЕВЪ,

КАѲЕДРАЛЬНЫЙ ПРОТОІЕРЕЙ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

(Некрологъ).

Въ предшествовавшемъ № нашего изданія мы передали уже нашимъ читателямъ краткое извѣстіе о кончинѣ и погребеніи этого высокопочтеннаго пастыря и ученаго; теперь сообщимъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о его жизни и многосторонней дѣятельности.

Покойный ***Иванъ Михайловичь*** (ниже мы скажемъ, почему такъ называемъ и будемъ называть почившаго о. протоіерея) принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ личностей, которые въ одинаковой мѣрѣ и располагаютъ къ себѣ и возбуждаютъ глубокое невольное уваженіе, тѣхъ свѣтлыхъ и высокихъ образовъ, которые особенно успокоительно дѣйствуютъ на душу, возмущаемую пустотою и дрязгами обыкновенной жизни, тѣхъ рѣдкихъ дѣятелей, многоплодныхъ и просвѣщенныхъ, которые своими хотя не громкими, но истинно полезными и почтенными трудами начертываютъ свое имя въ исторіи. Имя покойнаго, скажемъ безъ преувеличенія, извѣстно было во всей Россіи. Число слушателей его можно считать тысячами, число читателей и почитателей—десятками тысячъ и болѣе. Было время, когда въ нѣкоторыхъ отрасляхъ науки учебныя заведенія наши, какъ духовныя такъ и свѣтскія, пользовались плодами его трудовъ то преимущественно, то даже исключительно. Были и другія произведенія его пера, хотя не предназначавшіяся для школы, но тѣмъ не менѣе пользовавшіяся извѣстностію. Были между его сочиненіями и такія, которыя, оставаясь въ рукописи, имѣли большую

извѣстность, чѣмъ многія печатныя сочиненія. Одни питомцы кіевской академіи разносили объ немъ вѣсти всюду по Россіи, и кому изъ нихъ, еще прежде поступленія въ академію, не былъ знакомъ образъ мудраго наставника философіи, кому не представлялся этотъ образъ въ самыхъ роскошныхъ и заманчивыхъ чертахъ! И когда такъ широко распространялась слава его по Россіи, на немъ не сбылись такъ часто оправдывающіяся въ жизни слова: *нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ;* напротивъ какъ вездѣ, такъ и здѣсь онъ пользовался равною извѣстностію и уваженіемъ. Молва предваряла будущихъ питомцевъ академіи о солидно - ученыхъ чтеніяхъ Ивана Михайловича, самыя чтенія служили оправданіемъ ея.

Но если внѣ Кіева Иванъ Михайловичъ извѣстенъ былъ какъ дѣятель науки, то намъ онъ знакомъ вмѣстѣ и какъ дѣятель жизни. Вся его служебная дѣятельность, вся можно сказать жизнь его посвящена была Кіеву, кіевскимъ учебнымъ заведеніямъ и кіевской епархіи; этимъ онъ связалъ на всегда свое имя съ исторіею нашего края. И если для всѣхъ знавшихъ его лично, или только по сочиненіямъ, интересно и пріятно было бы прослѣдить со всею подробностію продолжительную жизнь и многостороннюю дѣятельность его, ознакомиться со всѣми обстоятельствами его постепеннаго развитія въ мужа зрѣлаго и совершеннаго, со всѣми проявленіями его твердой и богатой натуры, то этотъ интересъ и эта пріятность удвояются и утрояются для насъ, видѣвшихъ его такъ долго предъ своими глазами и такъ много пользовавшихся плодами его зрѣлой мысли и опыта, богатаго знаніемъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить нашимъ читателямъ сколько нибудь полную картину внутренней жизни и многосторонней дѣятельности почившаго. Иванъ Михайловичъ, къ особенной чести его сказать надо, принадлежалъ къ числу такихъ замѣчательныхъ дѣятелей, которыхъ біографіи пишутся не вдругъ. Почитателямъ его памяти предстоитъ предварительный трудъ собиранія матеріаловъ для его біографіи. И надо замѣтить, что этотъ трудъ будетъ не легкій и можетъ совершиться не скоро,

такъ какъ покойникъ не любилъ никогда высказываться. Это натура въ высшей степени сосредоточенная, сдержанная и ровная, всегда вѣрная однажды принятымъ нормѣ и порядку жизни, никогда не выступавшая за предѣлы очерченнаго ею круга, любившая болѣе свой внутренній міръ душевной дѣятельности, чѣмъ внѣшній круговоротъ общественной жизни. Кажется, для него не имѣли значенія ни мысль, ни чувство, коль скоро они не имѣли прямаго приложенія къ жизни, не могли быть съ пользою осуществлены на дѣлѣ, и если въ жизни, даже на высокихъ ступеняхъ общественной лѣствицы, такъ часто попадаются люди, о которыхъ мы говоримъ: это мужъ слова, а не дѣла, то о покойномъ Иванѣ Михайловичѣ со всею справедливостію можно замѣтить, что это былъ по преимуществу мужъ дѣла.

Итакъ, вмѣсто сколько нибудь обстоятельной біографіи, мы предложимъ лишь общее очертаніе жизни и преимущественно ученой и служебной дѣятельности Ивана Михайловича.

По мѣсту рожденія и воспитанія Иванъ Михайловичъ принадлежитъ Сѣверу, по жизни и дѣятельности онъ нашъ. Родился онъ въ 1795 году, нижегородской губерніи арзамасскаго уѣзда въ селѣ Стытковѣ. Отецъ его Михаилъ былъ священникомъ того села. Жизнь не улыбнулась Ивану Михайловичу въ началѣ, не пріютила его ни богатствомъ, ни довольствомъ. Хотя о первомъ періодѣ жизни его мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній, но, зная до нынѣ скудный и простой бытъ духовенства того края, легко можемъ составить себѣ понятіе о той бѣдной и простой обстановкѣ, среди которой онъ проводилъ первые годы своей жизни. Еще въ дѣтствѣ суждено было ему лишиться матери, и это обстоятельство имѣло безъ сомнѣнія немалую долю вліянія на его душевное развитіе, въ которомъ всегда являлись преобладающими мысль и воля, а не чувство и воображеніе. Въ раннихъ также лѣтахъ лишился онъ и отца, и конечно внѣшнія условія воспитанія, въ то время вообще суроваго и крайне бѣднаго, сдѣлались съ той поры еще болѣе затруднительными для него. Мы не

знаемъ, чьей благотворительности и попеченію, кромѣ правильнѣе организованныхъ тогда средствъ казеннаго воспитанія, обязанъ былъ круглый сирота возможностью продолжить свое образованіе. Не имѣемъ также никакихъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы судить о томъ, благопріятно или неблагопріятно дѣйствовала на его развитіе суровая обстановка воспитанія; ограничимся поэтому лишь общимъ замѣчаніемъ о значеніи такого рода обстановки въ дѣлѣ воспитанія. Что бы ни говорили о благотворномъ вліяніи подобной обстановки на образованіе твердаго, устойчиваго характера, упругости души, такъ необходимой въ жизни, усидчивости и аккуратности въ занятіяхъ, вѣрности однажды избранному направленію, и т. под., намъ всегда представлялась болѣе примѣтною другая сторона ея, мрачная, какъ и сама она, именно: по мѣрѣ того какъ развивается умъ, и то впрочемъ съ большимъ трудомъ, медленностію и разными неизбѣжными дефицитами, и образуется характеръ, по большей части насильственнымъ, гнетущимъ образомъ, сторона эстетическая, сердечная оставляются безъ вниманія, и развѣ въ послѣдствіи времени какія либо счастливыя обстоятельства жизни придутъ на помощь, а они для многихъ и весьма многихъ, воспитывающихся при такихъ условіяхъ, приходятъ весьма не скоро, часто не въ пору, иногдажъ и вовсе не приходятъ.

Впрочемъ если указанныя обстоятельства и имѣли какое нибудь неблагопріятное или вообще задерживающее дѣйствіе на развитіе Ивана Михайловича, то за то преобразованную тогда систему духовнаго воспитанія можно считать обстоятельствомъ, весьма благопріятствовавшимъ его научному образованію. Онъ воспитывался сперва въ нижегородской семинари, а потомъ въ петербургской академіи — въ первой тотчасъ послѣ ея преобразованія, во второй въ скоромъ времени послѣ ея основанія по новому проэкту системы духовнаго воспитанія.

Какъ человѣку новаго образованія, окончившему притомъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ, Ивану Михайловичу суждено было начать свое служебное поприще участіемъ въ продолжавшейся еще въ то время обширной реформѣ

духовныхъ учебныхъ заведенiй, и это обстоятельство перенесло его отъ мѣста рожденiя и воспитанiя, съ далекаго Сѣвера на Югъ и навсегда привязало его къ этому послѣднему. Въ 1817 году, когда Иванъ Михайловичъ окончилъ курсъ въ академiи, рѣшено было приступить къ преобразованiю и устройству духовныхъ учебныхъ заведенiй, имѣвшихъ образовать собою кiевскiй духовно-учебный округъ, и ему выпалъ жребiй быть въ числѣ первыхъ и, надо сказать, самыхъ лучшихъ дѣятелей на этомъ поприцѣ, въ числѣ первыхъ наставниковъ кiевской семинарiи и новой кiевской академiи. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о состоянiи духовнаго образованiя въ то время на Югѣ.

Было время, когда это образованiе находилось здѣсь на самой высокой степени, когда Югъ отъ избытковъ своего умственнаго богатства удѣлялъ Сѣверу, насаждая тамъ сѣмена просвѣщенiя, высылая туда ученыхъ дѣятелей, просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ архипастырей. Такъ было во второй половинѣ XVII и въ теченiи всего почти XVIII столѣтiя. Это была умственная культура, колонизацiя Сѣвера, а шла она съ Юга. Кiевскiе ученые являются дѣятельными пособниками Петра Великаго въ его реформѣ, совершенно преобразовываютъ церковно-административный порядокъ, организуютъ цѣлую систему духовнаго образованiя, простираютъ даже свое влiянiе за предѣлы этого образованiя. Всѣ первыя какъ духовныя, такъ и свѣтскiя учебныя заведенiя на Сѣверѣ Россiи устрояются по образцу славной кiевской академiи, и первыми дѣятелями въ большей части изъ нихъ были ея воспитанники. Кажется даже, что Югъ болѣе давалъ Сѣверу, чѣмъ сколько оставлялъ себѣ. Кому не извѣстны славныя имена Епифанiя Славеницкаго, Симеона Полоцкаго, Арсенiя Сатановскаго, братьевъ Лихудовъ, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича, св. Димитрiя Ростовскаго, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Арсенiя Мацѣевича, Тодорского, Завадовскаго, Безбородка, Трощинскаго и многихъ другихъ воспитанниковъ кiевской академiи, принесшихъ свои дарованiя и познанiя въ жертву Сѣверу! Но въ то время, какъ Сѣверъ, подъ влiянiемъ

просвѣщенія, занесеннаго съ Юга и при пособіи могущественнаго правительства, созданнаго Петромъ Великимъ, возрасталъ по всѣмъ сторонамъ жизни, съ необычайною быстротою, Югъ упадалъ и слабѣлъ все болѣе и болѣе. Политическія смуты и раздѣленіе, страшныя притѣсненія за вѣру въ областяхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши, введеніе новой государственной системы, своеволіе и корыстолюбіе чиновниковъ въ областяхъ, отошедшихъ къ Москвѣ, и многія другія обстоятельства были причиною того, что свѣтъ просвѣщенія начиналъ тускнѣть и померкать на Югѣ. Кіевская академія—плодъ частной благотворительности только и сильна была общественною поддержкою; но когда лучшая и богатѣйшая часть общества въ сегобочной Украинѣ и другихъ польско-русскихъ областяхъ перешла въ унію и католичество, или разсѣяна и ослаблена невзгодами политическими, а въ тогобочной Украинѣ изживалась въ мелкихъ спорахъ и интригахъ, когда частная благотворительность не создавала уже и не поддерживала сколько нибудь значительныхъ школъ, которыя служили бы подготовкою къ академіи,—не только матеріальныя, но и моральныя силы ея истощались. Блестящая въ свое время система воспитанія ветшала и видимо отживала свой вѣкъ, а между тѣмъ въ академіи не являлось могучаго дѣятеля, который своимъ умомъ и понятіями сталъ бы выше этой системы, перестроилъ бы ее или замѣнилъ чѣмъ нибудь новымъ. Только Конисскій блеснулъ и оживилъ на время академію, но скоро перешелъ на другое поприще, а такіе, правда весьма почтенные дѣятели, какъ Ириней Фальковскій, недостаточны были для столь высокой цѣли. При такихъ обстоятельствахъ надо было ждать помощи отъинуды, и она явилась, хотя не такъ скоро, какъ это было нужно, но тотчасъ, какъ только приготовленно было все необходимое для этой цѣли. Теперь Сѣверъ и Югъ обмѣнялись ролями, теперь первый протянулъ руку второму, какъ тотъ протянулъ нѣкогда ему свою братскую руку. Умственное движеніе пошло обратнымъ путемъ, началась новая колони-

зація, культура... Иванъ Михайловичъ, сказали мы уже, былъ въ числѣ первыхъ дѣятелея въ этой колонизаціи.

Чтобы образовать новую академію, надо было приготовить годныхъ для нея слушателей, устроить семинарію и училище на новыхъ основаніяхъ. И вотъ академія закрыта, произведена сортировка учителямъ, многіе честные и усердные труженики должны были уступить мѣсто новымъ дѣятелямъ или отойти на задній планъ; произведено испытаніе академистамъ, — пришлось инымъ идти въ низшіе классы; не стало на время академіи, вмѣсто нея явилась семинарія и училище, за которымъ въ общежитіи осталось отнынѣ не лестное титло бурсы, академисты должны были отселѣ называться семинаристами или просто бурсаками, самая академія, виднѣвшаяся впереди, извѣстна была напередъ какъ достояніе весьма и весьма не многихъ. Чувствительный, по крайнѣй мѣрѣ, щекотливый переворотъ! Во всей этой реформѣ самое дѣятельное участіе принималъ и Иванъ Михайловичъ, и не смотря на всю щекотливость совершившагося переворота, въ него, какъ и въ другихъ дѣятелей, сколько можемъ судить по дошедщему до насъ преданію, не было брошено ни одного слова укора, недовольства или зависти; напротивъ какъ на всѣхъ новыхъ дѣятелей, такъ въ особенности на Ивана Михайловича всѣ смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ и цѣнили его высоко. Такъ ли встрѣчены были наши первые ученые на Москвѣ, такъ ли приняты были москвичами Епифаній Славеницкій съ братіею?... Конечно, теперь время было уже не то; но нельзя не приписать и личнымъ достоинствамъ Ивана Михайловича,—его высокому образованію, свѣтлому уму, благородству и сдержанности характера того уваженія, которое онъ стяжалъ себѣ на первыхъ порахъ своей службы въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ. Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, на сколько примѣнима была къ потребностямъ нашего края эта новая общая для всей Россіи система духовнаго образованія и принесенная ею высшая эрудиція могла ли вознаградить академію за утраченную ею

отнынѣ огромную популярность, открытый доступъ и сочувствіе свѣтскаго общества; но какова была степень этой эрудиціи, можемъ судить потому, что первыя двухъгодичныя чтенія Ивана Михайловича по философіи въ вновь открытой тогда кіевской семинаріи имѣли большой успѣхъ,—объ нихъ съ особенною похвалою и уваженіемъ отзывались первые его слушатели.

Когда такимъ образомъ послѣ новаго двухъгодичнаго ученія въ кіевской и другихъ вновь открытыхъ или преобразованныхъ въ тоже время семинаріяхъ (*) приготовлены были способные слушатели для академіи, приступили къ открытію самой академіи, въ которую Иванъ Михайловичъ тогда же поступилъ баккалавромъ философіи. 28 сентября 1819 года происходило торжество открытія новой академіи. Припомнимъ нѣкоторыя подробности этого давно забытаго торжества. Тогдашній митрополитъ кіевскій Серапіонъ служилъ обѣдню въ кіево-подольскомъ Успенскомъ соборѣ. Отсюда по окончаніи обѣдни совершенъ крестный ходъ въ Братскій училищный монастырь, „въ сопровожденіи, какъ сказано въ журналѣ академическаго правленія отъ 19 октября того же года, генералитета и прочихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, всѣхъ учащихъ и учащихся въ духовныхъ училищахъ, и при многочисленнѣйшемъ стеченіи народа.“ Здѣсь въ большой церкви отслуженъ былъ молебенъ о благопоспѣшномъ начатіи академическаго ученія, послѣ чего посѣтители приглашены были въ академическій залъ. Ученики семинаріи и училищные стояли въ два ряда отъ церкви до залы и пѣли стихиру: *Днесь благодать Св. Духа насъ*

(*) Вотъ эти семинаріи и число воспитанниковъ, присланныхъ ими въ составъ перваго курса кіевской академіи: изъ полтавской семинаріи 4, орловской 6, волынской 8, подольской 3, воронежской 4, минской 2, черниговской 3, и курской 8 студентовъ, всего 38 человѣкъ. Изъ кіевской семинаріи, кромѣ поступившихъ по назначенію, приняты двое свѣтскихъ изъ учениковъ средняго отдѣленія по прошенію и на собственномъ содержаніи.

собра и проч., а студенты новооткрываемой академіи встрѣтили публику въ залѣ. Пропѣта молитва: *Царю небесный*, прочитанъ высочайшій указъ объ открытіи кіевской духовной академіи, провозглашено многолѣтіе государю, Царствующему Дому и Св. Сvноду, и когда митрополитъ сталъ благословлять и окроплять св. водою начальствующихъ, учащихъ и студентовъ, а также залъ и классы, въ это время, для развлеченія публики пѣтъ былъ составленный на этотъ случай кантъ. За тѣмъ началось чтеніе разсужденій, нарочито для этого случая написанныхъ. Послѣ ректора архимандрита Моvсея и инспектора Михаила Леонтовича, вступилъ на каѳедру Иванъ Михайловичъ и произнесъ разсужденіе *о метафизическихъ началахъ философіи*. Послѣ него читано было разсужденіе баккалавромъ словесности Соколовымъ, а все торжество заключено было пѣніемъ: *Слава въ вышнихъ Богу* Разсужденіе Ивана Михайловича написано было на латинскомъ языкѣ; но между тогдашними слушателями, даже изъ простыхъ гражданъ г. Кіева, было много такихъ, для которыхъ этотъ языкъ былъ хорошо понятенъ. Мы не имѣемъ подъ руками этого разсужденія и не можемъ судить о его достоинствѣ; но изъ дѣлъ академическаго правленія видно, что оно, будучи препровождено тогда же вмѣстѣ съ другими разсужденіями въ коммиссію духовныхъ училищъ, въ іюнѣ 1820 года возвращено оттуда для перевода и обратной отсылки, что и сдѣлано авторомъ. Съ этой поры Иванъ Михайловичъ, какъ первый профессоръ семинаріи и академіи, сталъ извѣстенъ всему Кіеву и даже простымъ кіевскимъ мѣщанамъ, которые долго, долго расказывали разныя подробности о появленіи его въ Кіевѣ и первыхъ годахъ его службы.

Начатая такимъ образомъ служебная карьера Ивана Михайловича разрасталась съ каждымъ годомъ и вообще до того многосложна, разнообразна и продолжительна, что одно простое перечисленіе въ хронологическомъ порядкѣ должностей, которыя онъ проходилъ, порученій, которыя ему были разновременно даваемы, сочиненій, которыя онъ написалъ, наградъ,

которыя получалъ, заняло бы много мѣста. Избѣгая этого утомительнаго и скучнаго перечисленія, мы постараемся въ замѣнъ того представить служебную карьеру и дѣятельность его въ общей картинѣ, въ главныхъ ея видахъ, охарактеризовать каждый изъ этихъ видовъ, и за тѣмъ указать на такія въ нихъ частности, которыя болѣе выдаются по своей важности и значенію.

Чтобы однимъ, такъ сказать, взглядомъ окинуть всю широту и долготу служебной дѣятельности Ивана Михайловича, всю массу труда, имъ потраченнаго, всю совокупность силъ, которыя требовались для такого громаднаго труда, довольно указать главные виды этой дрятельности и опредѣлить степень продолжительности каждаго изъ нихъ. Такъ онъ былъ:

въ званіи пастыря церкви 1820—1863 г.=43 года. (въ санѣ священника 1 г., въ санѣ протоіерея 42 г.).

въ должности профессора 1817—1863 г.=46 г. (въ семинаріи 1817—1819 г.=2, въ академіи 1819—1849 г.=30, въ университетѣ св. Владиміра 1835—1859 г. =25, въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1839—1855 г.=16, въ образцовомъ пансіонѣ 1837—1861 г.=24, въ училищѣ для дѣвицъ духов. званія 1861—1863 г.=2 г.)

въ зван. члена академич. конференціи 1823—1863 г.=40 л.

въ должности цензора 1828—1862 г.=32 г.

въ должности члена консисторіи 1833—1863 г.=30 л.

въ зван. члена окружнаго акад. правл. 1824—1849 г.=25 л.

въ должности редактора 1837—1863 г.=26 л. (по изданію Воскреснаго Чтенія 1837—1862=25, по изданію Епарх. Вѣдомостей 1861—1863 г.=2 года)

въ должности каѳедральн. протоіерея 1849—1863 г.=14 л.,

въ званіи члена попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія 1849—1863=14 лѣтъ,

въ должности члена по постройкѣ въ Кіевѣ Владимірскаго собора 1852—1863 г.=11 лѣтъ,

въ званіи члена статистическаго комитета 1854—1863 г.= 9 лѣтъ,

въ должности распорядителя по училищу для дѣвицъ духовнаго званія 1861—1863 г.=2 года,

въ должности библіотекаря академіи отъ 26 сентября 1819 по 10 іюля 1820 г. 1 годъ.

Изъ представленнаго перечня читатель можетъ усмотрѣть, что въ жизни Ивана Михайловича бывали такіе весьма значительные промежутки времени, въ которые онъ занималъ одновременно отъ пяти до десяти должностей. Такъ съ 1835 и по 1849 г. онъ съ обязанностями пастыря соединялъ должности профессора аккадеміи, университета, института и образцоваго пансіона,—редактора, цензора, члена консисторіи, академической конференціи и окружнаго академическаго правленія, и если послѣднія изъ этихъ должностей требовали, можетъ быть, не такъ много времени, то за то большая часть ихъ таковы, что каждая обыкновенно проходится однимъ лицемъ. Съ 1849 г. онъ оставилъ должность профессора академіи; но въ слѣдъ за тѣмъ прибавились новые труды по управленію каѳедральнымъ Соборомъ, предсѣдательствованію въ консисторіи и по должности члена епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Съ 1851 года оставилъ институтъ; но въ непродолжительномъ времени явились новыя должности и новыя обязанности. Если сосчитать всѣ годы службы его по разнымъ должностямъ, то получится, въ итогѣ 347 лѣтъ службы, и если для болѣе трудныхъ должностей положить обыкновенный срокъ въ 25 лѣтъ, а для другихъ по 35 и 40 лѣтъ, то выйдетъ, что въ теченіи своей служебной дѣятельности Иванъ Михайловичь понесъ столько труда, что его достало бы не менѣе, какъ на десять человѣкъ. Мы не причисляемъ сюда временно исполненныхъ имъ порученій начальства, каковы напр. ревизія семинарій съ состоящими при нихъ училищами: курской и воронежской въ 1828 г., волынской и подольской въ 1829 г., кишиневской 1833 г., кіевской въ 1839 г. и полтавской въ 1843 г., а также обозрѣнія, по указу Св. Сунода, церквей подольской епархіи, продолжавшагося цѣлый годъ; но если къ обыкновенной служебной дѣятельности его присовокупимъ его учено-литературные труды, если приме́мъ во вниманіе, что при самой разнородной и тяжелой службѣ имъ написано одинадцать сочиненій, изъ которыхъ

многія имѣли отъ трехъ до шести изданій и требовали пересмотра и дополненій, что кромѣ отдѣльныхъ сочиненій имъ помѣщено множество переводовъ и статей въ Воскресномъ Чтеніи и въ послѣднее время въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и Руководствѣ для сельскихъ пастырей, и что наконецъ сверхъ печатныхъ сочиненій составлено имъ не мало полныхъ записокъ по богословскимъ и философскимъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ въ теченіе своей слишкомъ сорокалѣтней профессорской службы въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ общемъ итогѣ получимъ трудъ, предъ которымъ нельзя не преклониться съ особеннымъ уваженіемъ. Кто не знакомъ съ отличительными свойствами натуры Ивана Михайловича, съ его образомъ жизни и дѣятельности, для того можетъ казаться изумительнымъ и непонятнымъ, какъ онъ могъ нести такое бремя и при томъ такъ долго, какъ не подломилось его здоровье и силы подъ такою тяжелою ношею; иной подумать можетъ, что едва ли этотъ огромный трудъ былъ безъ недостатковъ, безъ упущеній. Но въ этомъ и заключается отличительное достоинство Ивана Михайловича, что въ его дѣятельности не было упущеній и если были, можетъ быть, какіе нибудь недостатки, то онѣ не зависѣли отъ недостатка доброй воли и усердія, если какіе либо изъ трудовъ его и можно было назвать несовершенными, то развѣ въ томъ общемъ смыслѣ, что нѣтъ труда человѣческаго вполнѣ совершеннаго. Аккуратность, регулярность, строгая соразмѣрность между временемъ, силами и трудомъ—вотъ что, кажется, было основнымъ правиломъ и отличительнымъ характеромъ его жизни и дѣятельности, и этимъ-то въ особенности объясняется точное и успѣшное выполненіе имъ самыхъ разнородныхъ и многосложныхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ, и возможность такой продолжительной, многотрудной работы безъ явнаго ущерба силъ и здоровья. Часы занятій и отдыха, пріема пищи, сна и прогулки разсчитаны были у него самымъ тщательнымъ образомъ, распредѣлены въ самомъ строгомъ порядкѣ, и развѣ особенный, чрезвычайный случай могъ нарушить этотъ порядокъ, замедлить напр. утреннюю или

вечернюю прогулку или урочный обѣдъ его въ 12-ть часовъ. Никогда онъ не бросалъ дѣла, не кончивши, и не откладывалъ, какъ говорится, въ далекій ящикъ, никогда не дѣлалъ одного дѣла въ ущербъ другому и не жертвовалъ дѣломъ для дѣла, тѣмъ болѣе для удовольствія и развлеченія; на все было у него свое время и на все доставало времени. Не охочій на слова, если въ нихъ не заключалось дѣла, онъ не любилъ тратить время въ пустыхъ бесѣдахъ и разглагольствіяхъ, всегда занятый дѣломъ онъ бѣгалъ праздныхъ собраній и развлеченій, даже такихъ, которыя въ общежитіи признаны необходимыми или неизбѣжными, цѣня въ одинаковой мѣрѣ и время и здоровье, онъ, наперекоръ вскоренявшемуся на его глазахъ новому складу общественной жизни, новымъ ея условіямъ и привычкамъ, не превращалъ ночи въ день и дня въ ночь,—никто никогда и нигдѣ не видалъ его за полночь или около полночи, а если когда и жертвовалъ онъ для кого нибудь частію вечерняго времени, то удалялся изъ собранія за долго дополночи; отъ того и время и здоровье служили ему неизмѣнно до конца его жизни. Не торопливо, съ нѣкоторою какъ бы медленностію, но съ одинаковою аккуратностію и вниманіемъ онъ выполнялъ всякое текущее дѣло, и—на всей его жизни и дѣятельности оправдался глубокій смыслъ народнаго изрѣченія: *тише ѣдешь, дальше будешь*. Да, онъ не растратилъ жизни, не загубилъ силъ въ напрасныхъ, хотя бы и благородныхъ увлеченіяхъ,—сильныхъ, хотя бы высокихъ, но безплодныхъ и мечтательныхъ порывахъ. Нѣтъ, онъ вовсе не зналъ ни этихъ увлеченій, ни этихъ порывовъ, такъ частыхъ у самыхъ талантливыхъ людей, но сохранилъ и приумножилъ данный ему отъ Бога талантъ, на сколько позволяли обстоятельства жизни или лучше самый этотъ талантъ, и если напр. данный ему талантъ могъ быть приумноженъ только въ пять, а не въ десять разъ, то рѣдкая заслуга, рѣдкое достоинство его въ томъ, что онъ приумножилъ его неменѣе... Въ одинаковой мѣрѣ сочувствуя всему истинному, доброму и прекрасному, онъ никогда въ своихъ стремленіяхъ и дѣлахъ не простирался за предѣлы не только

возможнаго или прiятнаго, но даже нужнаго, полезнаго, благоразумнаго. Въ успѣшномъ выполненiи имъ многосложныхъ и тяжелыхъ обязанностей много значили его свѣтлый умъ и солидно-ученая подготовка, въ особенности отличное знакомство съ языками еврейскимъ, латинскимъ, греческимъ, нѣмецкимъ и французскимъ; но ни богатыя дарованiя, ни обширная эрудицiя не дали бы такихъ большихъ результатовъ, безъ аккуратности и самой строгой регулярности въ занятiяхъ и въ жизни. Этому послѣднему качеству Ивана Михайловича мы придаемъ тѣмъ большее значенiе, чѣмъ рѣже встрѣчаемъ его въ жизни. Много въ свѣтѣ людей умныхъ, талантливыхъ, образованныхъ и ученыхъ, съ возвышенными и благородными стремленiями; но людей до такой степени аккуратныхъ и регулярныхъ, какъ Иванъ Михайловичь, слишкомъ и слишкомъ мало. И эта аккуратность и регулярность его не были какимъ либо капризомъ натуры, не были тѣмъ, что мы привыкли считать оригинальностiю, но высокимъ нравственнымъ качествомъ, признакомъ сильной, хорошо развитой воли, плодомъ долговременной внутренней борьбы, умѣньемъ владѣть самимъ собою. Понимаемъ, какъ много труда и силы воли нужно было ему, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для того, чтобы въ виду дѣла устоять противъ просьбы, приглашенiя, собственнаго желанiя развлечься, условiй свѣта, увлеченiя однимъ какимъ либо занятiемъ и проч. Такая жизнь, какъ Ивана Михайловича, представляется намъ великимъ нравственнымъ и подвигомъ и совершенствомъ. Не тотъ, по нашему мнѣнiю великъ и достоинъ хвалы, кто разъ или два въ жизни, напрягши всѣ силы своей души, блеснетъ и поразитъ какимъ либо смѣлымъ и новымъ дѣломъ, и не тотъ, кто сосредоточивъ всю свою дѣятельность въ одномъ тѣсномъ кругѣ, на одной сторонѣ жизни, съумѣетъ остаться вѣрнымъ своему выбору или призванiю, но тотъ, котораго вся жизнь отъ начала и до конца наполнена непрерывающеюся дѣятельностiю и истино полезными и солидными, хотя бы и не громко-блестящими трудами, кто, служа на многихъ и разныхъ поприщахъ жизни, ни разу

не измѣнилъ ни своему долгу, ни избранному имъ служенію. Иванъ Михайловичъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ послѣднему роду дѣятелей, и то, что мы сей часъ сказали объ немъ, представится намъ тѣмъ съ большею ясностію, если мы обратимъ вниманіе покрайней мѣрѣ на главные виды его дѣятельности, на болѣе видныя поприща его службы.

Наиболѣе виднымъ поприщемъ служебной дѣятельности Ивана Михайловича было профессорское его званіе, въ которомъ, какъ мы замѣчали уже, онъ пробылъ 44 г. и съ котораго, можно сказать, несходилъ отъ начала и до конца своей долгой службы. Это было не только его званіе, но и какъ бы призваніе; оно главнымъ образомъ устроило его жизненную карьеру, составило ему имя и извѣстность. Что же замѣчательнаго, добраго и достойнаго хвалы представляетъ профессорская дѣятельность Ивана Михайловича? Отличительными чертами его профессорской дѣятельности были тотъ же порядокъ, правильность и послѣдовательность, которыми запечатлѣна и вся его жизнь. Самая строгая система и правильное логическое построеніе въ цѣломъ курсѣ чтеній, полнота и законченность въ каждомъ отдѣльномъ чтеніи, отчетливость, спокойствіе и ясность изложенія—вотъ главныя достоинства его какъ профессора. Онъ всегда подступалъ къ предмету прямо, обнималъ его однимъ такъ сказать пріемомъ мысли, но съ совершенною ясностію и полнотою, и излагалъ съ полною основательностію. У него не было уклоненій въ сторону, на которыхъ такъ часто выѣзжаютъ молодые педагоги и отъ которыхъ не свободны бываютъ иногда самые даровитые профессоры, ни колебаній мысли, ни блестящихъ громкихъ фразъ, ни тѣмъ менѣе полусловъ, полунамековъ, не дѣлающихъ чести профессору, но такъ соблазнительныхъ для учащейся молодежи, равно не утомлялъ онъ своихъ слушателей субъективнымъ внутреннимъ процессомъ мысли, но предлагалъ имъ по большей части результаты науки или кабинетной своей работы надъ предметомъ. Никогда онъ не жертвовалъ словомъ для дѣла, не бросалъ словъ на вѣтеръ, не

высказывалъ мысли, не раскрывъ ее съ надлежащею полнотою, не подкрѣпивъ ее основательными и твердыми доводами. Не много такимъ образомъ говорилъ онъ, въ особенности при своемъ довольно неспѣшномъ произношеніи; но за то многое, если не все сказанное ложилось прямо въ душу слушателя и являлось съ разу въ его сознаніи, какъ готовое знаніе, положительное пріобрѣтеніе. На нашу долю выпало слушать Ивана Михайловича въ послѣдніе два изъ тѣхъ четырехъ годовъ его профессорскихъ занятій при академіи, когда онъ, по выслугѣ 25-лѣтняго срока, обремененный множествомъ другихъ занятій, уволившись отъ академической службы, вызвался однакожъ (если не ошибаемся, по просьбѣ и убѣжденію покойнаго митрополита Филарета) безмездно читать по одному уроку въ недѣлю, по тѣмъ предметамъ, какіе онъ самъ избиралъ для чтенія. Никогда, кажется, академическій философскій факультетъ не былъ по числу и достоинству преподавателей такъ полонъ и вмѣстѣ счастливъ,—на немъ было тогда четыре профессора, и, не говоря объ Иванѣ Михайловичѣ, всѣ остальные пользовались также прекраснымъ мнѣніемъ своихъ слушателей. Иванъ Михайловичъ читалъ для нашего курса *Ὄϱγανον* Аристотеля, а потомъ Метафизику. Сравнивая его чтенія съ чтеніями другихъ профессоровъ, мы, кромѣ указанныхъ уже достоинствъ, всегда отличавшихъ его чтенія, не могли не признать за ними особеннаго преимущества, именно простоты, которая наиболѣе пригодилась намъ при изложеніи такого труднаго предмета, какъ *Органъ* Аристотеля. Если чего не доставало въ чтеніяхъ Ивана Михайловича, то это симпатичности, теплоты, живости, одушевленія, которыми въ тоже время такъ увлекали насъ чтенія покойнаго о. Θеофана (Авсенева). И не только въ это, но даже въ прежнее время преподаваніе Ивана Михайловича не отличалось указанными качествами. Мы однакожъ отнюдь не думаемъ, чтобы этотъ недостатокъ могъ быть кѣмъ нибудь поставленъ въ укоръ памяти достойнѣйшаго изъ нашихъ профессоровъ. Съ одной стороны особенная какая либо живость, одушевленіе вовсе не были въ натурѣ Ивана

Михайловича, а что не дано природою, того нельзя вознаградить никакимъ искусствомъ, съ другой при сухомъ и даже холодномъ чтенiи терпитъ ущербъ только впечатлѣнiе, производимое имъ на слушателя, но не самое чтенiе или предметъ его. Притомъ надо отличать простоту, безъискуственность изложенiя отъ сухости, какъ слѣдствiя холодности и равнодушiя къ предмету въ самомъ преподавателѣ. Послѣднихъ качествъ и предположить не возможно въ Иванѣ Михайловичѣ, принимая во вниманiе самую тщательную обработку, какую онъ давалъ предметамъ, о которыхъ приходилось ему читать.

Сказавъ о научныхъ и педагогическихъ прiемахъ Ивана Михайловича, какъ профессора, мы не можемъ не упомянуть о его обширной учености и начитанности, которая придавала еще болѣе значенiя его чтенiямъ и упрочивала его профессорскую извѣстность. Положительно можно сказать, что ему извѣстенъ былъ коротко полный курсъ богословскихъ и философскихъ наукъ, которыхъ большую часть ему приходилось преподавать въ теченiи долгихъ лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведенiяхъ, для разнаго рода слушателей. Каждую науку онъ изучалъ тщательно, съ полною добросовѣстностiю, и трудно сказать, съ которою изъ нихъ онъ менѣе былъ знакомъ. Богословiе догматическое, нравственное, обрядовое, церковная исторiя, каноническое право, логика, психологiя, метафизика, исторiя философiи извѣстны были ему спецiально; кромѣ того онъ весьма основательно зналъ много другихъ соприкосновенныхъ съ ними наукъ, какъ напр. священное писанiе, патрологiю и проч., а также нѣкоторыя изъ наукъ математическихъ. Ему не чужды были многiя свѣдѣнiя по части древней классической литературы и даже астрономiи, и онъ самъ любилъ производить нѣкоторыя не сложныя астрономическiя наблюденiя. Такая обширность и разносторонность знанiя самаго серьезнаго и основательнаго почти не мыслима въ людяхъ позднѣйшаго образованiя; это—плодъ прежняго энциклопедическаго направленiя въ системѣ духовнаго образованiя, которое хотя удержало оффицiальное свое значенiе до послѣд-

нихъ дней, но въ старые годы было понимаемо серьезнѣе и выполняемо тщательнѣе. Само собою разумѣется, что самыя обстоятельства учебной службы Ивана Михайловича много способствовали ему въ расширенiи круга его познанiй, но основанiе для этого дано самимъ воспитанiемъ. Добросердечный митрополитъ кiевскiй Филаретъ высоко цѣнилъ обширную ученость Ивана Михайловича, въ особенности же его познанiя въ философiи, и на экзаменахъ въ академiи и семинарiи съ особеннымъ вниманiемъ приглашалъ его къ участiю въ испытанiи, постоянно обращался къ нему съ вопросами по той или другой наукѣ, особенно же по философiи, и считалъ его мнѣнiе наиболѣе авторитетнымъ. Въ философiи онъ просто считалъ его непобѣдимымъ, во время обычныхъ въ прежнюю пору ученыхъ пренiй на экзаменахъ, и видѣлъ особенную силу въ его строгой и искусной дiалектикѣ. При этомъ намъ живо припоминается одинъ случай, бывшiй послѣ сороковыхъ годовъ на публичномъ экзаменѣ въ кiевской семинарiи. Происходило испытанiе учениковъ средняго отдѣленiя по логикѣ и психологiи. Отвѣчали бойко и твердо, читали—точно по книгѣ, но въ объясненiяхъ путались и становились въ тупикъ, иногда видимо не понимали значенiя и смысла заученныхъ фразъ, и причиною этому было туманное изложенiе наукъ. Преосвященному митрополиту Филарету хотѣлось доказать профессору несостоятельность нѣкоторыхъ психологическихъ его воззрѣнiй и логическихъ опредѣленiй, неумѣстность нѣкоторыхъ трактатовъ, въ особенности же туманнаго изложенiя и пестрой иноязычной терминологiи; но бойкiй, отлично владѣвшiй языкомъ профессоръ находилъ на все объясненiе. Преосвященный митрополитъ, не любившiй въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать однимъ приказомъ, снисходительно продолжалъ ученое пренiе, на сколько позволяли его старческiя силы, и въ тоже время засыпаемый быстрою и бойкою рѣчью профессора не разъ посматривалъ по сторонамъ, какъ бы ища кого-то. Вдругъ въ дверяхъ залы показался запоздавшiй по какому-то случаю Иванъ Михайловичъ. Митрополитъ обратился къ нему съ особенною

ласковостію и вниманіемъ: „пожалуйте, пожалуйте, Иванъ Михайловичь! Мы васъ давно ждемъ.“ Тотъ принялъ благословеніе и сѣлъ въ почтительномъ отдаленіи. „Нѣтъ, сюда пожалуйте, поближе; вотъ тутъ садитесь,“ ласково говорилъ митрополитъ, указывая на стоящее вблизи его кресло, и, когда Иванъ Михайловичь сѣлъ, обратился къ нему съ такими словами: „нуте-ка, побейте ихъ философію“ и— объяснилъ, въ чемъ дѣло. Внимательно сталъ слѣдить Иванъ Михайловичь за отвѣтами учениковъ, дѣлалъ вопросы за вопросами, возраженія за возраженіями, спокойно, но съ свойственною ему силою діалектики опровергалъ одно за другимъ положенія и бойкіе извороты даровитаго профессора и скоро довелъ его до того, что онъ долженъ былъ уступить предъ взглядомъ и знаніемъ болѣе вѣрнымъ и широкимъ. Добродушный архипастырь, видя торжество діалектики Ивана Михайловича, каждый разъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторялъ: „ваша правда, Иванъ Михайловичь!“—Не даромъ и начальство академіи такъ часто поручало Ивану Михайловичу ревизованіе семинарій. Только съ такими обширными познаніями можно было съ успѣхомъ и пользою производить ревизію учебной части въ семинаріяхъ, вѣрно опредѣлить достоинство и недостатки преподаванія той или другой науки, сообщить начальству точныя свѣдѣнія о ходѣ образованія въ той или другой семинаріи, подать на мѣстѣ полезный совѣтъ и проч.

Но особенное, важное достоинство Ивана Михайловича, какъ профессора, заключалось въ гармоническомъ соединеніи въ немъ религіознаго образованія съ философскимъ. Самая глубокая вѣра, самыя обширныя познанія въ богословскихъ наукахъ не мѣшали ему быть столько же свободнымъ, сколько солиднымъ мыслителемъ; въ одно и тоже время съ равнымъ успѣхомъ и пользою онъ предавалъ своимъ слушателямъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ истины богословскія и философскія, и если гдѣ оказывалось благодѣтельнымъ и потребнымъ это счастливое, рѣдкое, можно сказать, сочетаніе вѣры и знанія, эта всегдашняя повѣрка мудрости естественной вѣчными истинами божественнаго ученія, то тамъ, гдѣ всего чаще

они могли приходить и дѣйствительно приходили во взаимное, не рѣдко враждебное столкновеніе, гдѣ за долго до пресловутаго нашего прогресса появлялись теоріи и мнѣнія, способныя отуманить и совратить съ пути истины молодыхъ неопытныхъ юношей и гдѣ голосъ Ивана Михайловача былъ однимъ изъ не многихъ голосовъ трезвой и солидной мудрости.

Что касается сочиненій Ивана Михайловича и вообще его учено-литературной дѣятельности, то предѣлы и форма нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробное разсужденіе по этому предмету. Впрочемъ большая часть отдѣльно изданныхъ его сочиненій такъ давно извѣстны читающей публикѣ и такъ долго были въ обращеніи и употребленіи, что ихъ несомнѣнныя достоинства, равно и неизбѣжные по тогдашнему времени недостатки могли быть оцѣнены вполнѣ, и намъ остается только, для возобновленія въ памяти читателей, представить здѣсь простой перечень ихъ, чтобы они могли однимъ такъ сказать взглядомъ обнять учено - литературныя заслуги Ивана Михайловича. Вотъ эти сочиненія:

1., Слова на нѣкоторые праздничные и торжественные дни, въ разныя времена произнесенныя к. д. академіи профессоромъ философіи, кіево-печерской владимірской церкви протоіереемъ Іоанномъ Скворцевымъ 1833 г.

2., Записки на посланіе къ Ефесеемъ. 1838 г.

3., О Кантовой религіи въ предѣлахъ чистаго разума.

4., Русская ручная пасхалія. 1836 г.

5., О Богослуженіи православной церкви. Пять изданій, послѣднее 1861 г.

6., Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной. 6-ть изд., послѣд. 1859 г.

7., Краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной. 6-ть изданій, послѣд. 1854 г.

8., Катихизическія поученія. два изд., послѣд. 1855 г.

9., Записки по церковному Законовѣдѣнію три изд., послѣд. 1861 г.

10., Краткія поученія о божественной литургіи. 1861 г.

11., Чтенія изъ церковной исторіи для дѣтей. 1842 г.

12., Катихизическія поученія на символъ вѣры, 10-ть заповѣдей и молитву Господню. 1854 г.

13., Описаніе кіево-софійскаго собора по обновленіи его въ 1843—1853 г.

Уже одно число изданій нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ сочиненій показываетъ, какой расходъ и слѣдовательно какую цѣну имѣли они въ свое время: но между ними есть два такихъ сочиненія, которыя доставили Ивану Михайловичу такъ рѣдкую у насъ степень доктора богословія, полученную имъ еще въ 1833 г., это—*Записки на посланіе къ Ефесеемъ* и *о Кантовой религіи въ предѣлахъ чистаго разума*. Названныя сочиненія суть первые плоды ученой дѣятельности Ивана Михайловича. Слѣдовавшій за тѣмъ рядъ его сочиненій показываетъ, что онъ не остановился въ своихъ ученыхъ трудахъ, получивъ высшую ученую степень и что слѣд. какъ первыя, такъ и послѣднія его произведенія писаны не по внушенію честолюбія или для практическихъ выгодъ, но по внутреннему влеченію къ подобнаго рода дѣятельности. Въ числѣ ученыхъ трудовъ Ивана Михайловича безспорно самое высшее мѣсто занимаютъ *Записки по церковному законовѣдѣнію*, трудъ вполнѣ самостоятельный, носящій на себѣ слѣды серьезной и продолжительной ученой работы Если примемъ въ соображеніе, что до составленія *Записокъ* у насъ ничего не было написано по части каноническаго права, что вообще эта область совершенно неразработана у насъ какъ въ то, такъ даже и въ нынѣшнее время и что собираніе однихъ матеріаловъ для науки церковнаго законовѣдѣнія представляетъ само по себѣ огромный, кропотливый трудъ, то намъ понятны будутъ важность и значеніе этого ученаго труда Ивана Михайловича. Его *Записки*,—одно изъ двухъ только сочиненій въ этомъ родѣ, не утратили до селѣ своего значенія и безъ сомнѣнія долго еще будутъ служить важнымъ и полезнымъ пособіемъ для изучающихъ область нашего церковнаго права. Онѣ обработаны при томъ съ тою тщательностію, печать которой лежитъ на всѣхъ произведе-

ніяхъ его пера. Система, порядокъ, точность и основательность, отсутствіе излишнихъ подробностей и отсюда краткость и сжатость составляютъ главныя отличичельныя черты ученыхъ произведеній Ивана Михайловича; составленіе учебниковъ было наиболѣе сподручно ему, и намъ кажется, что если бы не обширная и разносторонняя служебная дѣятельность поглощала его время и силы,—онъ подарилъ бы насъ еще не однимъ дѣльнымъ и полезнымъ руководствомъ.

По ходу рѣчи намъ слѣдовало бы сказать о цензорской и редакторской дѣятельности Ивана Михайловича; но такая его дѣятельность сливается отчасти съ дѣятельностію другихъ лицъ на томъ же поприщѣ и менѣе всего примѣтная для публики, извѣстна тому только не большому кружку, которому была посвящена. Мы знаемъ однакожъ, что Иванъ Мыхайловичъ, всегда строгій къ самому себѣ, и своимъ произведеніямъ, серьезно смотрѣлъ на письменныя произведенія другихъ, проходившія къ печати чрезъ его руки: не любившій многословія и тѣмъ болѣе пустословія, ни громкихъ фразъ, если они не заключали въ себѣ дѣла, или если подъ ними скрывалась фальшивая мысль, либо намекъ на оную, ни новомодныхъ словъ, если они не сообразовались съ важностію и святостію предмета, онъ на все подобное налагалъ свою редакторскую или цензорскую руку. Справедливость требуетъ также замѣтить, что Иванъ Михайловичъ и какъ редакторъ и какъ цензоръ обладалъ большимъ тактомъ и особеннымъ внутреннимъ чутьемъ, по которому неблаговидность мысли или слова открывались для него и тамъ, гдѣ другой и не подозрѣвалъ бы ее или замѣтилъ бы не вдругъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е сентября высокопреосвященный митрополитъ Арсеній возвратился изъ непродолжительнаго путешествія по епархіи. Въ скоромъ времени онъ опять оставитъ насъ и уже на цѣлую зиму, именно: отправится въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ, куда приглашенъ по Высочайшему усмотрѣнію, о чемъ и получилъ уже формальное увѣдомленіе. Это извѣстіе, не неприскорбное для паствы, въ тоже время не можетъ не радовать нашего сельскаго духовенства, которое съ напряженнымъ вниманіемъ ждетъ отъ этой зимы окончанія начатаго уже дѣла по улучшенію его быта.

— *Къ вопросу о братствахъ*. Вотъ что пишетъ намъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ нашей епархіи по этому предмету. „Душевно сочувствуя мнѣнію Редакціи Еп. Вѣдомостей и другихъ благомыслящихъ людей относительно разносторонней пользы и благодѣтельнаго вліянія на жизнь народа со стороны древнихъ церковныхъ Братствъ, я при удобныхъ случаяхъ, разновременно, заводилъ разговоръ съ своими прихожанами о братствахъ, съ цѣлію склонить ихъ къ учрежденію братствъ и дѣйствительно успѣлъ въ томъ, что прихожане мои изъявили непритворное намѣреніе образовать братство въ своей средѣ, подъ именемъ „*Новоселицкаго Николаевскаго Братства*". Предположенное братство должно было дѣлиться на три отдѣленія, именно: братство старшее, братство молодецкое и братство сестричное. Все вообще братство

начинанія и дѣйствія свои имѣло совершать въ духѣ и на началахъ тѣхъ правилъ, которыми руководились древнія братства, съ измѣненіями и дополненіями, примѣнительными къ современной жизни и потребностямъ народа, самыя же правила имѣли быть въ скоромъ времени составлены и представлены на утвержденіе начальства.

Цѣлію учрежденія братства и предметомъ его заботливости имѣли быть: Во первыхъ мѣстный храмъ Божій и доставленіе ему большаго благолѣпія и надлежащаго устройства, во вторыхъ улучшеніе нравственности въ приходѣ, въ третьихъ содержаніе приходскаго училища и при немъ хора пѣвчихъ, и въ четвертыхъ, по усиленіи его матеріальныхъ средствъ,—учрежденіе и содержаніе при училищѣ лѣчебницы и сельской библіотеки.

Но въ седмый день общаго и окончательнаго разсужденія о предпринятомъ дѣлѣ, (въ Свѣтлый Вторникъ—апрѣля 2 дня 1863 года), нашлись съ одной стороны боязливые и неразсудительные, съ другой—неблагомыслящіе и своекорыстные люди, которые сами отказались отъ своего намѣренія и отклонили отъ него другихъ. Причиною такой неожиданной перемѣны было между прочимъ то обстоятельство, что въ сосѣднихъ селахъ никто не поднялъ вопроса о братствахъ; кромѣ того крестьянъ пугаетъ подпись, съ которою они соединяютъ опасеніе принять на себя какое нибудь тягостное обязательство. Въ настоящее время, крестьяне и въ другихъ мѣстахъ сдѣлались недовѣрчивыми даже къ священникамъ и не охотно принимаютъ самое благодѣтельное предложеніе со стороны ихъ, когда нужно подтвердить свое согласіе поданіемъ руки для подписи. Вслѣдствіе чего я рѣшился, до благопріятнаго времени, ограничиться учрежденіемъ въ своемъ приходѣ церковнаго совѣта изъ 10-ти честныхъ и разсудительныхъ прихожанъ, съ которыми всегда веду совѣщаніе о нуждахъ церкви и удовлетвореніи ихъ и при содѣйствіи которыхъ надѣюсь, хоть исподоволь, достигнуть и вышеозначенныхъ цѣлей. По нашему мнѣнію, братство можно, смотря по нуждѣ и средствамъ, ограничить и меньшимъ числомъ членомъ и даже меньшимъ кругомъ дѣятель-

ности, и тогда не будетъ разницы между братствомъ и приходскимъ совѣтомъ; что жъ до названія, то во всякомъ разѣ не слѣдовало бы перваго замѣнять вторымъ:—названіе братства для нашего края имѣетъ историческое, священное, можно сказать, значеніе. Причины противодѣйствія учрежденію братствъ указаны вѣрныя, но далеко не всѣ. Мы имѣемъ довольно уже свѣдѣній по этому предмету и предоставляемъ себѣ поговорить объ немъ больше въ другое время, настоящее же свѣдѣніе приводимъ какъ свидѣтельство того, что вопросъ о братствахъ не заглохъ совершенно и толки объ немъ идутъ.

— ***Нѣчто о новомъ бытѣ крестьянъ съ нравственной точки зрѣнія.*** Много разъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ говорено было о благодѣтельномъ вліяніи крестьянской реформы на разныя стороны народной жизни, но о вліяніи ея на нравственную жизнь народа говорено пока мало. Мы получили нѣсколько самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, касающихся впрочемъ лишь нѣсколькихъ селъ звенигородскаго уѣзда, и съ удовольствіемъ заносимъ ихъ на страницы нашего изданія. — Прежде всего самоуправство и деспотизмъ съ каждымъ днемъ все больше и больше исчезаютъ въ средѣ этихъ селькихъ обществъ и въ замѣнъ ихъ являются чувство справедливости и уваженія къ закону. Никто изъ крестьянъ не можетъ теперь безнаказанно побить своего ближняго или обидить его другимъ способомъ. Съ особенною строгостію и вмѣстѣ безпристрастіемъ преслѣдуется самоуправство прежнихъ ближайшихъ начальниковъ и судей народныхъ, такъ называемыхъ офиціалистовъ, или довѣренныхъ отъ помѣщиковъ лицъ по разнымъ частямъ экономическаго управленія, которые съ трудомъ отстаютъ отъ своей застарѣлой привычки *поверховодить* надъ бѣднымъ крестьяниномъ. Теперь, лишь только кто нибудь изъ нихъ осмѣлится пуститься въ личную расправу, какъ обиженный тотъ часъ спѣшитъ въ сельское управленіе и немедленно заноситъ жалобу, а по жалобѣ пана немедленно требуютъ въ судъ,—созываютъ добросовѣстныхъ и старосту или волостнаго, разсуждаютъ, про-

зносятъ приговоръ и если панъ виновенъ, не прежде отпустятъ, какъ получивъ съ него штрафъ. Одинъ экономъ, раскaзывали намъ, большой охотникъ быть крестьянъ, заплативъ разновремeнно до 15-ти руб. штрафа, совершенно потерялъ охоту къ собственноручной расправѣ Впрочемъ если крестьянинъ виновенъ,—пану оказываютъ полное удовлетворенie.

Сельскiя управленiя имѣютъ наблюденie надъ всѣмъ вообще кругомъ общественной жизни и не только общественныя, но и частныя, даже домашнiя дѣла, коль скоро они получаютъ общую извѣстность и возбуждаютъ соблазнъ или негодованie, подлежатъ ихъ суду. И это отнюдь не злоупотребленie, но такова воля обществъ. Во многихъ мѣстахъ сельскiя управленiя составляютъ приговоры и и отдаютъ приказы, чтобы корчма напр. не была отперта до окончанiя обѣдни, или позже 10-ти часовъ вечера, чтобы въ корчмахъ не было пьянственныхъ сборищъ, чтобы подъ праздники и въ великiй постъ не пѣли пѣсень, и проч. и проч. Церкви, школы составляютъ теперь предметъ живѣйшей заботливости обществъ, помышляютъ о богадѣльняхъ и госпиталяхъ. Оскорбленie родителей дѣтьми наказывается съ особенною строгостiю. Изъ суда сельскаго изгоняются подкупы, задабриванiя, подпаиванiя. Прежде такъ называемые *судци* не прежде приступятъ къ разбору тяжбы, какъ когда обѣ тяжущiя стороны поставятъ *могоричь* и по большей части рѣшали дѣло въ пользу того, кто больше поставилъ водки. Теперь тяжущiеся, подсудимые не смѣй и заикнуться о водкѣ, даже по окончанiи дѣла,—*по трудахъ*.

Особенно замѣчателенъ рекрутскiй наборъ. Онъ совершенъ теперь не бывалымъ образомъ. Намъ коротко извѣстно, что въ прежнее время бывало,—ловятъ рекрутъ какъ звѣрей, куютъ какъ преступниковъ, содержатъ подъ самымъ сильнымъ карауломъ и также отправляютъ въ присутствiе, продержавъ на мѣстѣ мѣсяцъ и болѣе. А сколько было злоупотребленiй при назначенiи въ рекруты, сколько несчастiй и калѣчества переносили укрывавшiеся отъ рекрутства. Теперь ничего подобнаго не было: сельскiй

судъ рѣшилъ, кому идти въ царскую службу, и объявилъ свое рѣшеніе, и—никто не уходилъ и не прекословилъ; назначенные ходили на волѣ, занимались своимъ дѣломъ, пока пришелъ часъ отправляться въ присутствіе; даже туда везли ихъ незакованными и безъ караула.

Послѣдній указъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній и обязательномъ выкупѣ земли на объявленныхъ условіяхъ произвелъ чрезвычайный восторгъ въ крестьянахъ. Большаго они уже рѣшительно не желаютъ для себя и не ждутъ. О царѣ молитва не прекращается; собираются торжественно праздновать это новое событіе въ своей жизни и готовятъ обѣды.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 30 Августа 1863 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ*.
Въ Университетской типографіи.